

В. Е. Добровольская
(Москва)

«ОРЕХОВАЯ ВЕТОЧКА»: РЕДАКЦИЯ СЮЖЕТНОГО ТИПА СУС 425С «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК»

Аннотация: В статье рассматриваются тексты сказок, традиционно относящиеся к сюжетному типу СУС 425С «Аленький цветочек». Анализ материалов показывает, что в русской сказочной традиции выделяется группа текстов, где предметом поиска становится ореховая веточка. В этих текстах нет таких присущих данному сюжетному типу мотивов, как попадание отца героини в чудесный сад, где растет аленький цветочек, проживание девушки в таинственном дворце, интриги ее сестер, смерть, чудесное воскресение и преображение героя. Для рассматриваемой группы текстов характерен другой набор мотивов и более сжатая, одно-эпизодная структура. На этом основании группу рассматриваемых текстов необходимо считать самостоятельной версией сюжетного типа 425С.

Ключевые слова: русская волшебная сказка, классификация сюжетных типов, вариант, вариация.

Abstract: The article deals with several texts of fairy tales traditionally ascribed to the plot type of SUS 425C «Scarlet flower». In Russian fairy-tale tradition there is a group of texts ascribed to this type where the subject of the search is a nut branch. In these texts there are no such motives inherent to plot type 425C as the coming of the heroine's father in a wonderful garden where the necessary plant grows, or accommodation of the girl in the mysterious Palace, or intrigues of her sisters, as well as death, wonderful resurrection and transformation of the hero. The said group of texts with the nut branch is characterized by a quite different set of motives and a more concise, single-episode structure. On this basis, this group of texts should be considered as a special independent version of the plot type 425C.

Key words: Russian fairy tale, classification of plot types, variant, variation.

В первом томе антологии «Фольклор старообрядцев Литвы» Ю. А. Новиков републиковал сказку из сборника «Русский фольклор в Литве»¹. Текст был записан в 1965 г. от А. П. Рыбаковой в д. Дубурайтис Зарасайского района Литвы. Данная сказка была отнесена Юрием Александровичем к сюжетному типу СУС 425С «Аленький цветочек», хотя исследователь и отметил, что это редкая версия данного сюжетного типа.

Согласно сравнительному указателю «Восточнославянская сказка»², зафиксировано 18 русских публикаций данного сюжета. Ясно, что в указателе отмечены не все существующие записи того или иного сюжетного типа. Об этом свидетельствуют и исследования последних лет. Так, А. И. Бер-Глинкой были изданы материалы, расширяющие представление о бытовании у восточных славян сюжета СУС 672 «Корона змеи» и СУС 673 «Мясо змеи»³. Изменили представление о функционировании сюжетного типа СУС 425М в русской традиции наши статьи⁴ и публикация

¹ Русский фольклор в Литве / Исследование и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975. № 66.

² Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. (Далее – СУС).

³ Бер-Глинка А. И. К типологии восточнославянских сказок о змеях № 672 и 673 по системе Аарне-Томпсона // Этнографическое обозрение. 2014. №.1. С. 125–139.

⁴ Добровольская В.Е.: 1. Сказка «Про раков» из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии» в контексте русских сказок СУС 425М // Вятский родник. Сб. фольклорных и краеведческих материалов. Киров, 2015. С. 26–31; 2. История фиксации сказки «Жена ужа» (425 М) у русских // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 133–142; 3. Поволжские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425 М) // Традиционная культура народов Поволжья: Материалы III Всероссийской науч.-практич. конф. с международным участием (9–11 февраля 2016 г.): В 2 ч. Ч.1 (А–К). Казань, 2016. С. 217–225; 4. Воронежские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425М) в контексте русской сказочной традиции // Народная культура и проблемы ее изучения. Сб. ст. Материалы региональной науч. конф. Воронеж, 2016. С. 3–14; 5. Тверские сказки об ужовой невесте (СУС 425М) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги: сб. науч. ст. М., 2017. С. 202–220;

В. В. Запорожец⁵. Сюжетный тип СУС 425С не стал исключени-ем. Неотмеченными в указателе остались и архивные материалы, и публикации данного сюжетного типа⁶.

Сказки о чудесном супруге занимают значительное место в русском сказочном репертуаре. Однако не все типы сюжетов одинаково распространены и популярны. Безусловный приоритет принадлежит сюжетным типам СУС 400 «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену», СУС 402 «Царевна-лягушка», СУС 432 «Финист ясный сокол» и т.п.

Сюжетный тип СУС 425С («Аленький цветочек») в русском репертуаре стоит несколько обособленно. Как отметил В. Я. Пропп, этот сюжет является «ближайшим русским эквивалентом»⁷ европейского сюжетного типа «Амур и Психея»⁸. Об истории сюжета сказки «Аленький цветочек» написано немало⁹,

6. В дополнение к указателю сказочных сюжетов: новые записи сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // Живая старина. 2017. № 1. С. 4–7.

⁵ Муж-уж (кубанский вариант сказки) / Публикация В. В. Запорожец // Живая старина. 2017. № 1. С. 8.

⁶ Например, в книге «Сказки Заонежья» (Петрозаводск, 1986) в общем сюжетно-географическом указателе отмечено три неопубликованных записи сказки «Аленький цветочек», хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Р. V, колл. 2, п. 3, № 4, № 46, № 85 (все записи сделаны в 1926 г. И. В. Карнауховой); в «Русских народных сказках Пудожского края» (Петрозаводск, 1982) в описи коллекции текстов сказок Пудожского района Карельской АССР из архива Карельского филиала АН СССР есть указание на запись 1975 г. от В. П. Бычковой (АКФ (здесь и далее: Научный архив Карельского научного центра РАН), ф. I, оп. 1, колл. 85, № 75 — фонотека. 2341.6 — Запись М. Нигметовой) и повторную запись, сделанную от этой же исполнительницы в 1976 г., (АКФ, ф. I, оп. 1, колл. 93, № 28 — фонотека 2375, 29. — Запись В. П. Кузнецовой). В литературно-краеведческом альманахе «Проселки» опубликованы два текста на сюжет СУС 425С (Проселки. Литературно-краеведческий альманах. № 10. Котельнич. Октябрь, 1992. № 4. С.15–16; № 5. С. 16–19), ряд текстов данного сюжетного типа опубликован в книге: Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. статья, сост., подгот. текстов и комментарии М. Н. Власовой. СПб., 2011.

⁷ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 215.

⁸ Подробнее о русских вариантах СУС 425А «Амур и Психея» см.: Добровольская В. Е. Сюжет «Амур и Психея» (СУС 425А) в русской сказочной традиции // Традиционная культура. № 3. 2017. С. 139–150.

⁹ Одним из первых проанализировал сказку «Аленький цветочек» В.

но сюжет продолжает привлекать исследователей¹⁰. Однако в стороне от их внимания осталось несколько текстов данной сказки, в которых вместо заветного аленького цветочка появляется другая предметная реальность — ореховая веточка.

Ю. А. Новиков во вступительной статье первого тома «Фольклор старообрядцев Литвы» отметил, что данная сказка представляет собой «редкую версию сюжета “Аленький цветочек”» и что опубликованный текст «вплоть до мельчайших деталей повествования и лексических средств близок к записи В. И. Чернышева, сделанной в Пушкиногорском районе Псковской губернии»¹¹.

Текст из сборника В. И. Чернышева¹² был записан летом 1927 г. от Марфы Федотовны, невестки сказочницы Анны Федоровны Дворецкой. Однако сказку про ореховую веточку Марфа Федотовна узнала не от свекрови, а от «старой тети, живущей далеко отсюда»¹³.

В отличие от традиционного варианта текста про аленький цветочек сказка из сборника Чернышева существенно короче. Она

Андерсон (*Андерсон В.* Роман Апулея и народная сказка. Казань, 1914). Наиболее подробно источники сюжета выявлены в работе Ю. К. Бегунова (*Бегунов Ю. К.* Источники сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» // Русская литература. № 1. 1983. С.179–186). Именно Бегунов убедительно опроверг положение Я.-О. Свэна (*Swah n J.-O.* The tale of Cupid and Psyche. Lund, 1955) о том, что данный сюжет не существовал в русской традиции, а появился в ней под влиянием книги «госпожи Бомонт» (*Lepince de Beamont J.-M.* Magasin des enfants ou dialogues d'une sage. gouvernante avec ses élèves de la première distinction. Londres, 1757. Rééditions: Lyon, 1758; La Haye, Leiden, 1759).

¹⁰ Так, связь этой сказки с французской литературой и драмой XVIII в. была представлена в докладе В. А. Ковпика «Из истории “Аленького цветочка”: заметки о фольклоризме литературной сказки и путях ее вторичной фольклоризации», прочитанном на Международной конференции «Фольклоризм в литературе и культуре: границы понятия и сущность явления. Научная конференция памяти А. А. Горелова» (СПб., ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 8–9 июня 2017 г.) и в его же выступлении «К проблеме фольклорных и литературных источников сказки “Аленький цветочек”» на Ломоносовских чтениях–2017 (МГУ им. М. В. Ломоносова, 17–26 апреля 2017 г.).

¹¹ *Новиков Ю. А.* Сказка ложь, да в ней намек... // Фольклор старообрядцев Литвы. Т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки. Вильнюс, 2007. С. 80.

¹² Сказки и легенды Пушкинских мест / Записи на местах, наблюдения и исследования члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышева. СПб., 2004. № 12.

¹³ Там же. С. 291.

состоит из одного мотива: мужик по просьбе дочери ломает ореховую веточку, его ловит медведь, требует за веточку дочь мужика, и, когда зверь получает девушку, происходит его превращение в человека. В сказке нет ни описаний странствий купца в поисках диковинки для младшей дочери, ни попадания в чудесный сад, ни развернутого диалога с чудовищем, ни козней завистливых сестер. Собственно, нет и купца. И сестер всего две, одна из которых просит отца, уезжающего в город, купить ей платье, а вторая — ореховую веточку. Платье было куплено, а веточка — нет. Возвращаясь домой, герой «едет лесом возле царства и видит: стоит ореховая веточка». Герой ломает ее для дочери, и после этого появляется медведь, который требует от героя: либо «предоставь свою дочь», либо «сам приезжай ко мне жить». Приехав домой, герой рассказывает жене о случившемся и собирается ехать к медведю, но дочка решает заменить собой отца, потому что «плохо тебе за меня страдать». В данном варианте медведь сам приезжает за девушкой и привозит ее в некое место, где ведет ее «по подвалам, под землей, там трэщало, грэмело». Под землей они попадают в большой город, где медведь становится прекрасным молодцем и женится на девушке. В отличие от оригинального сюжетного типа «Аленький цветочек», в котором цветок (реже чудесное кольцо) является средством перемещения героини между мирами, и знаком, информирующим о состоянии героя, ореховая веточка никакой роли после появления медведя в сюжете сказки не играет¹⁴. В сказке нет ни трагической интриги сестер с переводом времени, ни смерти чудища заморского, ни слез героини, ни чудесного оживления героя.

В сказке из сборника Ю. А. Новикова¹⁵ сестер три. Отец девушек назван купцом. Распродав товар и купив подарки старшим дочерям, он отправляется домой и у дороги видит: «стоит ореховый куст». Герой, естественно, отламывает от него ветку, «а там сидел медведь: из-за куста его за руку цапнул». В сказке говорится, что

¹⁴ Ореховая ветка в отличие от аленького цветочка находится не в чудесном волшебном саду, а в обычном лесу, у дороги, по которой едут с ярмарки, базара или из города, но не из далеких стран и чужих земель. Она находится на периферии «этого» мира, иногда имеет необычный вид, но никакими дополнительными свойствами (средство информации о состоянии героя, средство перемещения в пространстве и т. п.) она не обладает. Ее функции соответствуют функциям таких чудесных диковинок как свинка-золотая щетинка или олень-золотые рога, то есть важно найти веточку и передать ее героине.

¹⁵ Фольклор старообрядцев Литвы. Т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки. Вильнюс, 2007. № 68.

медведь стерег этот куст (хотя не объясняется почему, в то время как аленький цветочек — безусловная собственность чудища лесного). За покушение на орешник зверь требует от человека: через три дня «либо дочь привези, либо сам приезжай». Он отпускает купца и дает ему ореховую ветку (заметим, что в дальнейшем о ней не вспоминает ни отец героини, ни она сама, ни медведь). Отец возвращается к семье, рассказывает о случившемся. Девушка решает ехать к медведю. Однако через три дня зверь сам приезжает за ней, потому что «не дождался». Собирается народ, устраивают свадьбу, и медведь увозит девушку в лес. Там «нехорошо, дико», и молодые «полезли <...> в пещеру», где произошло чудесное превращение: пещера обернулась домом, где «музыка играет, песни поют», медведь стал князем, и уже в княжеском тереме молодые устроили настоящую свадьбу, и «девушка осталась счастливая». Как видим, и в этом случае ореховая ветка не выполняет той функции, которой наделен аленький цветочек, а основная интрига сказки связана с превращением медведя в человека.

Н. К. Митропольская сообщает, что помимо опубликованного ею текста есть еще два, в одном из которых девушка просит привезти «цветок, который не вянет, и яблочко»¹⁶, однако непонятно, являются ли эти тексты разновидностью сюжетов о медведе, охраняющем ореховый куст, или о чудище лесном, владеющим аленьким цветочком¹⁷.

Еще один текст был записан В. К. Соколовой от Прасковьи Алексеевны Крапивниковой в селе Ново-Софьино Шацкого района Рязанской области в 1966 г. Он опубликован в сборнике «Сказки земли рязанской»¹⁸. В этом тексте старик, отправляясь на базар, получает заказы от трех дочерей, и младшая просит ореховую веточку. Отец не находит в городе подарок для младшей дочери и печальный возвращается домой. У дороги он видит ореховый куст и ломает ветку. Его хватает медведь и велит прислать за ней младшую дочь. Старик возвращается домой, рассказывает о требовании зверя, и его младшая дочь решает, что «моя судьба, знать такая.

¹⁶ Русский фольклор в Литве / Исследование и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975. С. 381.

¹⁷ К сожалению, в архиве фольклорных материалов Вильнюсского университета данных текстов мне найти не удалось. Видимо, это не удалось и Юрию Александровичу, который при подготовке антологии фольклора старообрядцев Литвы работал со всеми доступными архивными коллекциями.

¹⁸ Сказки земли рязанской / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Соколовой. Рязань, 1970. С. 45–46.

Собирай лошадей, поедем». В этом тексте медведь ждет девушку, а не едет за ней. Старик на третий день «в двенадцать часов ночи собрал тройку <...> и поехал на дорогу, где растет ореховая веточка». Медведь просит старика отдать девушку, отец соглашается, и в этот момент «ударился три раза медведь о земь, зашумел лес, запылилась дорога», и зверь превратился в красивого парня. Герои сели в тройку и вернулись в дом девушки, где и справили свадьбу.

В книге «Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.»¹⁹ отмечено, что экспедициями ГИИИ записано три текста, в которых «цветок заменен веткой орешника, чудовище (заклятый царевич) — медведем»²⁰. Два опубликованных текста записаны от детей²¹. В первой сказке, рассказанной Шурой Куницыной из Космозера Великогубской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии в 1926 г., действует не купец, а мужик, который хочет порадовать дочерей подарками из города. Младшая девушка просит у отца ореховую ветку, которую тот находит «в лесу у дороги»²². За то, что ветка сломана без разрешения, медведь, являющийся ее владельцем, требует отдать за него дочь мужика. Девушка узнает об уготованной ей участи и принимает решение «...самой сходить, чем он всю семью из-за меня погубит». Медведь приходит за невестой и уводит ее в яму, где «пляска, балалайка, и всё». В яме медведь превращается в князя, а сама яма в «светлые палаты».

Во втором тексте, также записанном в 1928 г. от ребенка, Василия Бобрецова из Засулья Койнасской волости Мезенского уезда Архангельской губернии, уже действует купец, который отпра-

¹⁹ Мы выражаем глубокую благодарность М. Н. Власовой за указание на наличие текстов данного сюжетного типа в подготовленном ею издании.

²⁰ Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор. С. 561.

²¹ К сожалению, третий текст, относящийся к записям А. И. Никифорова, не опубликован, а в описи коллекции, подготовленной В. Я. Проппом, он значится как «испорченный» и отмечен как сюжетный тип 425С без указаний на особенности повествования (Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М., Л., 1961. С. 377). О том, что в записи А. И. Никифорова фигурирует ореховая веточка, пишет М. Н. Власова: «Сходную замену цветка веткой орешника, а чудовища — медведем, находим и в мезенской записи из собрания А. И. Никифорова» (Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор. С. 576).

²² Там же. № 19. С. 299.

ляется за море. В данном сюжете происходит своеобразное соединение с основной версией сюжетного типа «Аленький цветочек». Герой попадает в пустой дом, где срывает в саду ореховую ветку. На него нападает медведь, требует отдать ему в жены дочь и дает купцу кольцо. Однако в данном тексте кольцо является лишь своеобразным знаком сговора купца и медведя, и в отличие от сказок СУС 425С, оно не является чудесной диковинкой, способной переносить человека из мира героини в мир чудища лесного. Медведь появляется в доме купца через три дня, забирает невесту и отправляется с ней к себе. Превращение медведя в человека не происходит, но это не мешает молодым «пировать, жить да добра наживать».

Еще два текста данного сюжетного типа зафиксированы в Пермском крае. Записаны они от одной сказочницы — Евдокии Никитичны Трясиной, 1922 г. р. из д. Русский Сарс в 1995 и 1996 гг. А. В. Черных. Тексты практически идентичны, хотя, безусловно, имеется ряд текстологических расхождений. Так, в тексте 1995 г. героем является «один дяденька», который, отправившись на базар, купил в подарок своим дочерям «одной — платье, другой — красивый подшалок, а ореховую ветку не нашел»²³. При возвращении домой он видит, что «на дорогу наклонилась с дерева ветка. Он посмотрел, а на ней орехи». Появившийся медведь требует, чтобы человек отдал свою дочь ему в жены. После того, как обещание дано, человек возвращается домой, но не сообщает родным о случившемся. Через три дня «вдруг колокольцы раздаются, все посмотрели, а там на нескольких лошадях как свадьба. <...> это был медведь», который приехал за обещанной ему девушкой. Он требует ту, «которая просила ореховую ветку», и старшие сестры говорят, что это была не их просьба. Заметим, что аналогичная сцена характерна для СУС 425С, где купец говорит о том, что чудище дало ему три дня на то, чтобы либо он сам, либо одна из его дочерей явились в чудесный дворец. Старшие сестры не хотят жертвовать собой, указывая на то, что аленький цветочек они не просили, а младшая признается, что это была ее просьба и соответственно именно она и должна отправиться к чудищу лесному. В рассматриваемом тексте медведь угрожает девушке тем, что «если сейчас со мной не поедешь, то все равно умрешь, а если поедешь — то будешь моей женой». Медведь забирает не только девушку, но и ее родителей. В лесу зверь топает, земля расступается, и они въезжают в подземное царство, где «светло, дороги такие хорошие, на лошадях

²³ Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в с. Русский Сарс Пермской области. Пермь, 1999. С. 39–40.

можно проезжать». Герои едут к церкви, и на паперти с медведя падает шкура. Выясняется, что он «проклянутый старой ведьмой» «сын короля какого-то, богатого человека». Заклятье должно было действовать, пока за «проклянутого» не согласится выйти какая-нибудь девушка.

Во втором тексте²⁴ герой назван «человеком». Несколько короче рассказан сюжет о появлении медведя в доме героя, короче ответы сестер, и угроза медведя звучит иначе: «Если сейчас же со мной не поедешь, то я тебя разорву». Медведь довольно галантен и приглашает всех гостей: «Сейчас у нас свадьба, отец с матерью и сестры пусть тоже едут». Герои не попадают в подземное царство с хорошими дорогами, просто подъезжают к церкви, где и происходит превращение медведя в человека. Королевское происхождение героя также исчезает, хотя обеспеченность отца остается.

Различаются и финальные формулы сказок. В первом случае это развернутый текст «И был пир очень большой, и я на этой свадьбе была, мед-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало. А со свадьбы дали мне шлык, да в подворотню меня швырк, да наградили еще короной. Шла я по лесу, положила корону под кору, да и теперь забыла под котору, и щас хожу все ищу». Во втором тексте концовка более сжата: «И был пир очень большой, и я на этой свадьбе была, мед-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало».

Сказочница в совершенстве владеет исполнительским мастерством, легко и свободно модифицируя текст, добавляя или убирая отдельные детали.

Все имеющиеся в нашем распоряжении варианты однотипны и сходны в деталях. Они представляют собой повествование, не отягощенное дополнительными мотивами типа попадания в чудесный сад, долгого привыкания девушки к чудовищу, посещения родительского дома и интриги сестер. Кульминацией всех вариантов данного текста является согласие девушки уйти к медведю и его превращение в человека.

Необходимо отметить, что рассмотренные варианты совпадают с литературным текстом, а именно со сказкой Л. Н. Толстого «Ореховая ветка»²⁵, которую писатель наряду с другими сказками использовал, создавая книги для чтения, басни и азбуку. Большинство сказочных текстов, включенных в эти издания, представляют обработки Толстым фольклорных сказок. Необходимо отметить,

²⁴ Русские народные сказки Пермского края / Сост. А. В. Черных. Пермь, 2004. С. 99–100.

²⁵ Толстой Л. Н. Новая азбука // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. XXI. Серия первая. М., 1957. С. 80–81.

что писатель обрабатывал преимущественно те фольклорные тексты, которые записывались его знакомыми в рамках разработанной им программы, связанной с яснополянской школой²⁶. То есть сказки бытовали в устной традиции. В то же время среди сказок Толстого по крайней мере два текста «вернулись в народ», то есть повлияли на русскую сказочную традицию. Один — это сказка про мужа-ужа, другой — «Ореховая ветка».

Сказка про мужа-ужа в русском сказочном репертуаре тесно связана с именем Толстого, поскольку первая из русских записей была сделана А. А. Эрленвейном в Тульской губ. и опубликована в 1863 г.²⁷ Вероятно, именно эта запись подверглась литературной обработке Толстого, и уже в таком виде данный текст вошел во «Вторую русскую книгу для чтения»²⁸.

В сказке «Ореховая ветка» ситуация иная. В сборнике Эрленвейна данный сюжет не представлен, и в записях Толстого его тоже нет. Однако это не значит, что Толстой его не слышал в устном исполнении. Хотя мы не знаем пока способов текстуально доказать, что Толстой не придумал сюжет об ореховой веточке, а почерпнул его из фольклорной традиции и развил литературно, именно это представляется наиболее вероятным. Авторский вымысел всего сюжета выглядел бы в данном случае весьма немотивированно. Неясно, какую смысловую нагрузку могла иметь в этом случае для Толстого именно ореховая веточка, чтобы он выдумал и сделал ее сюжетообразующей предметной реалией, заместив ею ту, что реально существовала в известных ему сказках. В любом случае текст Толстого был широко известен, он активно печатался и до и после революции, использовался педагогами на уроках чтения (и до сих пор используется, в том числе и в методической литературе), включался в учебники и хрестоматии, а затем стал читаться и по радио.

Действительно, если мы сравним имеющиеся у нас варианты со сказкой Л. Н. Толстого, то увидим целый ряд текстологических совпадений. У Толстого купец едет за товаром, дочери просят у него в подарок бусы, колечко и ореховую ветку. Ветка находится в лесу, купца останавливает медведь, просит отдать дочь, заби-

²⁶ Эрленвейн А. А. Отрывки из воспоминаний о Ясной Поляне 1861–1863 (Посвящается «друзьям минувших дней») // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М., 1978. С. 127–140.

²⁷ Эрленвейн А. А. Народные сказки, собранные сельскими учителями. М., 1863. С. 35.

²⁸ Толстой Л. Н. Уж // Толстой Л. Н. Вторая русская книга для чтения. Собр. соч.: В 22 т. Т. 10. М., 1982. С. 92.

рает девушку в лес, спускается с ней под землю, где происходит превращение ямы в прекрасный дворец, полный слуг, а медведя в молодого князя. Однако есть и особенности, которые свойственны литературным сказкам. Так, ореховая ветка необычная: «на ней золотые орехи». Медведь не просто просит отдать ему дочь, а ставит купцу условие: «тот, кто тебя дома первый встретит, того ты мне отдай». В сказке Толстого есть мотив подмены дочери, отсутствующий в имеющихся у нас вариантах. Так, родители отдают вместо своей дочери дочь пастуха. Медведь грозит девушке съесть ее, и та признается в обмане, после чего медведь получает настоящую дочь купца.

Как видим, сказка Толстого и народные варианты близки друг другу, и скорее всего доступные на настоящий момент фольклорные тексты связаны с литературным источником, который по всей вероятности был написан Толстым на основе услышанной им фольклорной сказки.

Однако в нашем распоряжении есть еще один текст об ореховой веточке. Это запись от Е. Г. Падкиной из Судогодского района Владимирской области²⁹. Вариант Ефимии Григорьевны полон деталей, не характерных ни для сказки Л. Н. Толстого, ни для фольклорных вариантов сказки. Сказочница свободно и легко импровизирует. Героиня просит отца привести ей ореховую ветку — «листочки огневые, а орешки золотые». Отец героини, возвращаясь с ярмарки, покупает не только платки и платья старшим дочерям, но и «колбасы, и всего». В поисках заветной веточки он обходит прилавки, где оказываются одни «можжевеловые веточки» и т. п.

Е. Г. Падкина активно использует в сказке диалоги героев. Так, вместо привычной формулы «значит судьба моя такая» героиня и ее отец вступают в развернутый диалог: «Папа, мама, не плачьте, значит моя судьба такая. Как ты меня подвезешь, я закрою глаза, он меня сразу проглотит». — «Да может, он тебя не проглотит, а будет грызть тебя!» — «Ну, пусть укусит, и я помру сразу».

Если у Л. Н. Толстого герой превращается в молодого князя после того, как дочь купца попадает в его берлогу, то у Падкиной превращение происходит иначе. Мать героини едет вместе с дочерью и, пытаясь как-то защитить дочь, берет «трехлитровую банку, воду святую», собираясь облить святой водой медведя, чтобы «может, не так окрысится на нас». После святой воды «с него вся медвежья шкура и съехала», и герой превращается в красивого парня, который произносит не свойственную сказкам благодарственную речь:

²⁹ Фольклор Судогодского края / Сост. В. Е. Добровольская, И. А. Морозов, В. Г. Смолицкий. Под общ. ред. А. С. Каргина. М., 1999. С. 168.

«Ой, Машенька, ты моя судьба! (Ей только семнадцатый год). Ты моя жена будешь! (А она сжалась). Папа, я тебя папой буду звать, мамой звать. Мама, как это ты догадалась воды святой взять!»

Герой всех зовет к себе в гости, а на столе у него оказываются «и вино, и колбаса, и ветчина, и апельсины». Особенно интересно описание застолья. Ефимия Григорьевна наделяет героиню качествами, которые соответствуют ее представлениям о приличиях. Так, герой за столом «наливает отцу, наливает себе, наливает матери и Машеньке. Машенька сказала: “Я пить не буду”». Далее следует диалог, цель которого заставить героиню выпить, если она любит героя. И только просьба матери: «Ты, Машенька, уж выпей», — позволяет героине попробовать вино.

Своеобразно решает Падкина и проблему появления героя в доме Машеньки. Когда они едут на телеге из леса и встречаются односельчан, то отец героини объясняет появление незнакомого парня так: «Шел из армии, а мы поехали на ярманку. Он говорит, там никакой ярмонки нету. Сел с нами и поехал. Ему вон Машенька понравилась. Он и поехал».

Сказка насыщена множеством деталей, не типичных для традиционных сказочных текстов. Так, например, Ефимия Григорьевна сообщает слушателям, что лошадь героев звали Жуликом, а отца — дядя Василий, что жених Машеньки кудрявый и т.д.

Безусловно, текст Е. Г. Падкиной — это своеобразная импровизация на основе сюжета об ореховой веточке. Но если убрать все индивидуальные исполнительские включения, то перед нами окажется все тот же сюжет о мужике, который по просьбе дочери ломает ей ореховую веточку и оказывается заложником медведя, чудесным образом превращающегося в человека.

Нельзя не согласиться с М. Н. Власовой, что варианты сказок, где фигурирует ореховая веточка, не являются случайными, и, вероятно, именно такой сюжетный тип мог бытовать «в центральной и, в особенности, северной России как вполне равноправная, а возможно, и более исконная, архаичная»³⁰ версия. Совершенно очевидно, что сказки об ореховой веточке являются отдельной версией сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек». Они отличаются от сюжетного типа СУС 425С рядом существенных признаков, прежде всего связанных с трактовкой сюжета. При анализе сказок видно, что группа текстов, в которых функционирует

³⁰ Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор. С. 16.

ореховая веточка, качественно отличается от той, где предметом поиска становится аленький цветочек. Причем различия столь существенны, что можно говорить о тенденции превращения текстов «Ореховой веточки» в самостоятельное произведение. К сожалению, ни в указателе «Востоочнославянская сказка», ни в указателе Аарне-Томпсона-Утера группа текстов про ореховую веточку не обозначена как самостоятельная разновидность внутри сюжетного типа 425С. Тексты из сборников Чернышева, Митропольской и Соколовой, отмеченные в указателе сказочных сюжетов, рассматриваются составителями как равноправные варианты сказки «Аленький цветочек». Более того, в описании сюжета ореховая веточка даже не упоминается, единственной предметной реалией для данного сюжетного типа назван «редкостный цветок». Сюжет «Ореховая веточка» не имеет параллелей в опубликованных каталогах сказок, соответственно, он должен быть обозначен дополнительным номером и для восточнославянской, и для европейской сказочной традиции — 425С* «Ореховая веточка».